Я застонал, закрывая дверь. Я был измотан. Сегодня была моя месячная обязательная учебная загрузка, а это всегда выводило меня из себя. Независимо от того, сколько раз я сидел на этом неудобном металлическом стуле и позволял им приставлять эти ужасные провода к моим вискам, это не становилось менее раздражающим Тем не менее, это было лучше, чем альтернатива, ходили слухи, что еще до того, как загрузка была доведена до совершенства, они заставляли всех несовершеннолетних весь день сидеть в тесных комнатах и заучивать все наизусть. Для меня это звучало как пытка.

К счастью, загрузка не причиняла вреда, просто было утомительно сидеть и ждать ее окончания. В любом случае, хорошо, что все закончилось. Я бросил свой бумажник и сканирующее кольцо на столик у двери, скинул обувь и направился внутрь. Когда я пришел свет был включен, но это ничего не значило, поэтому я громко крикнул, чтобы позвать своего дядю. "Эй, Зик, ты здесь?" Мне никто не ответил, но Зик мог немного увлечься своей работой, поэтому я пошел в его мастерскую, чтобы поискать его там. Дверь, как обычно, была не заперта, и открыв ее, я увидел только верстак, на котором как обычно, было полно жутких раскрашенных масок.

Я пожал плечами. Похоже, его не было дома. Я пошел на кухню и сунул в материализатор пищевой брикет, выбрав блюдо, которое хотел, и нажал на кнопку. Я оставил еду готовиться и пошел к дивану,

чтобы плюхнуться на него и отдать команду сканбоксу, стоящему на столе у стены. Над столом появился плавающий световой экран, идентичный тому, который появлялся над моим скан кольцом, во время его использования, и я дал команду сканбоксу. "Местные новости. Давай посмотрим, что происходит сегодня".

На экране сканбокса отобразились местные каналы в соответствии с моим запросом. Технология сканирования была интуитивно понятной, своего рода слияние технологий дополненной реальности старого образца и твердого света, впервые примененных около века назад Восходящим по имени Доктор Радикал. Никто не был до конца уверен, почему он так себя называл, но безумные ученые, как правило, были еще более странными, чем большинство Восходящих, и даже те из них, кто шли по героическому пути, обычно были довольно чокнутыми, поэтому из и называли "безумными учеными". Тем не менее, их изобретения составляли примерно половину широко используемых сегодня технологий, так что было трудно относиться к ним слишком пренебрежительно.

К сожалению, такое отношение не разделялось большинством людей в Конгломерате, поскольку безумные ученые были частью избранной группы Восходящих, которые считались подверженными высокому риску нравственного падения. К любому, кто был подвержен риску нравственного падения относились с подозрением и презрением, и это было одной из многих причин, по которым безумные ученые, идущие по героическому пути, такие как Доктор Радикал, были аномалией. Это тоже было досадно, потому что они были чертовски полезны, но очень многие из них сошли с героического пути и в конечном итоге стали специализироваться на оружии из-за всеобщего презрения.

Сегодняшняя передача была довольно стандартной. Несколько Восходящих героев из "Единства" выступили против одной из местных преступных группировок. Большинство Восходящих героев в городе в конечном итоге стали работать на "Единство", главным образом потому, что их учебные центры были единственным реальным местом, где можно было пройти проверку на способности к Вознесению и первоначальное обучение. Раньше были и другие места, где проводились обучающие занятия по использованию силы, но со временем все они были "раскрыты" "Единством" как связанные со злодеями.

Хотя не все они были плохими, Зик страстно ненавидел их, но некоторые их лидеры произвели на меня большое впечатление. Мне было не совсем ясно, как работают силы Восходящих, поскольку не Восходящим не разрешалось быть в курсе такого рода вещей, но некоторые из Восходящих могли делать удивительные вещи, плюс девушки были довольно привлекательными, и почти все носили откровенные наряды, что вообще тут могло не понравиться? Мне больше нравилась Ночной Удар, вероятно, самая молодая из лидеров, судя по костюмам. Некоторые люди даже утверждали, что ей было восемнадцать, как и мне.

Понаблюдав, как новичок Восходящий из "Единства" по имени Капитан Поларис, который управлял светом, расправился с парой головорезов, одетых в характерные черные костюмы и маски с красными сердечками, что означало, что они из банды Королевы Червей, я дал команду сканбоксу открыть мои электронные письма и начал просматривать все свои сообщения. Я подумал, что маловероятно, что Зик потрудился сообщить мне, что его не будет дома, но такая возможность всегда существовала. Я просмотрел список сообщений в поисках его имени, но ничего не увидел и уже собирался закрыть клиент, когда из списка выскочило имя.

Элайджа Уиндхэм. Я нахмурился. Мой отец вновь не удосужился написать мне, я не видел его много лет и даже редко получал от него весточки. И все же мне было достаточно любопытно, чтобы открыть сообщение. Это было видеообращение, и когда я нажал на него, на экране появилось лицо моего отца. Его песочно-светлые волосы и ярко-зеленые глаза были лишь некоторыми из наших общих черт, и, несмотря на то, что ростом я был намного выше среднего - 191 сантиметр, мне недоставало той серьезности, которую мой старик мог демонстрировать даже на экране.

Когда открылось сообщение, его пронзительный зеленый взгляд остановился на мне, как будто он смотрел с экрана прямо мне в душу, и я нервно сглотнул. Он всегда так действовал на меня. Я был уверен, что он так действовал на каждого. Когда он заговорил со мной, его голос был ровным и сдержанным, как будто я был просто знакомым. "Привет, Шейн. Прошу прощения за мое опоздание, но я хотел поздравить тебя с восемнадцатилетием. Я понимаю, что опоздал на неделю или две, но я взял на себя смелость отправить тебе поздравления с курьером".

Я чуть не свалился с дивана. Это было... совершенно не в его характере. Мой папа не дарил подарков. Ни на дни рождения, ни на Рождество, ни даже на особые мероприятия, такие как свадьбы. Он чувствовал, что они подразумевают обязательства в том или ином виде, и презирал концепцию одолжений. Мой отец настаивал на том, что жизнь - это серия сделок, и что если что-то нужно отдать, то в качестве компенсации должна быть выплачена равная цена. Честно говоря, я был поражен, что он вообще подумал о чем-то вроде подарка на день рождения. Я не знал, как к этому отнестись.

Его отрывистый голос продолжал говорить, как будто он читал мои мысли. "Этот знак внимания - не подарок. Это форма оплаты за годы моего отсутствия и за мою неспособность просветить тебя по некоторым вопросам, которые позже станут для тебя очевидными. Я чувствую, что это будет справедливо, поскольку это будет последний раз, когда я связываюсь с тобой сам. Теперь ты взрослый человек, а мои сообщения, какими бы немногочисленными они ни были, были попыткой наладить контакт с ребенком." Когда он пристально смотрел с экрана, его голос был жестким, но не холодным,

Я... не знал, что и думать. Он просто прервал контакт со мной? Он никогда не был хорошим родителем, но это было немного неожиданно, даже для него. Я увидел, как слегка смягчились уголки его глаз, когда он закончил свое сообщение, последние слова явно предназначались для того, чтобы смягчить предыдущие настолько, насколько он был способен. "Наша семья

суровая, Шейн. Ты должен быть сильным, чтобы выжить, будучи Уиндхэмом. Если ты не сможешь набраться сил и найти меня, никогда больше не разговаривать с тобой - это большая доброта, чем ты можешь себе представить. Что бы не произошло дальше, я надеюсь увидеть тебя снова когда-нибудь, сын. Прощай."

Сообщение исчезло. На самом деле, оно было буквально удалено из моего почтового ящика, а после дальнейших поисков я обнаружил, что исчезли и все остальные сообщения, которые мой отец когда-либо отправлял мне. Я хранил их в отдельной папке, и раньше у меня там было около дюжины таких писем, но теперь электронные письма и сама папка исчезли, и любые поиски, которые я проводил, полностью провалились, не выявив даже упоминания имени моего отца. Даже упоминания о нем в других электронных письмах не появлялись, и когда я проверил несколько писем Зику, где я знал, что упоминал его, его имя было изменено или вообще удалено.

Я был просто поражен. Я не ожидал этого, мой день рождения был больше недели назад. Электронное письмо было недавним, примерно сегодняшнее, а опоздания не были привычкой моего отца. Я встал, подошел к материализатору и достал горячий сэндвич со стейком, который я приготовил перед просмотром сообщения, казалось, десять минут или даже час назад, но, судя по времени, затраченному на его приготовление , прошло меньше двух минут. Я откусил кусочек горячего стейка, пытаясь сосредоточиться и понять, что, черт возьми, только что произошло.

Однако, прежде чем я смог как следует сосредоточиться, я услышал стук в дверь. Я подпрыгнул, так как был настолько отвлечен своими мыслями, что уронил свой сэндвич на деревянный пол моей гостиной. Я выругался и поднял эту штуку обратно, проверил, что она не была сильно грязной, прежде чем вытереть небольшое пятно салфеткой, в которую я обернул сэндвич. Я пожал плечами. Я был голоден, а робот пылесос вымыл полы, пока мы спали ночью. Я откусил еще кусочек, довольный, что он все такой же вкусный, и направился к двери, чтобы открыть ее.

Тот, кто стучал, не стал ждать, а просто ушел, как только постучал в дверь, потому что я никого не видел ни в том, ни в другом направлении по коридору. Я предположил, что это и был тот самый "знак поздравления", о котором упоминал мой папа, поэтому я взял коробку из темного дерева свободной рукой и внес ее внутрь, захлопнув дверь ногой. Я отнес ее на кухню и поставил на стол, проглотив остатки своего сэндвича. Затем я вымыл руки, тщательно вытер их насухо, и отнес эту штуку на стол в столовую.

Открыть ее оказалось достаточно просто. У нее был латунный замок с шифром, похожий на те, замки которые мой отец давал мне поиграть, когда я был ребенком. Латунный циферблат, окруженный рядом переключаемых колец. Мне приходилось поворачивать кольца, чтобы получился лабиринт, перемещая диск между поворотами, чтобы протянуть металлическую проволоку вдоль траектории. Как только провод был продет через кольца к внешней стороне замка, я вставлял его внутрь, и короткий электрический разряд проходил от циферблата к краю замка, щелкал защелкой и открывал коробку.

Конкретно этот замок имел двенадцать колец и был необычайно сложным, но в детстве открывал их достаточно, чтобы разобраться в нем после некоторых проб и ошибок, и примерно через полчаса я, наконец, нажал кнопку, и коробка со щелчком открылась. Я кивнул с улыбкой, я всегда очень гордился собой после того, как проделывал что-нибудь подобное, и даже мой папа обычно был впечатлен. Эта мысль стерла улыбку, так как напомнила мне, что он только что практически полностью порвал со мной все связи, поэтому я открыл крышку и заглянул внутрь, чтобы посмотреть, что он мне прислал.

Внутри коробки был свернутый лист старой желтой бумаги. Я нахмурился, но подумал, что он не прислал бы мне что-то бесполезное. Я развернул бумагу, но в этот момент что то маленькое и острое, завернутое в нее, укололо мой палец. Я с проклятием уронил бумагу, и она странным образом разгладилась, когда моя кровь капнула на пожелтевшую поверхность. Когда моя кровь попала на бумагу, она не впиталась. На самом деле бумага не намокла, а наоборот. Она загорелась. Волна фиолетового пламени прокатилась по бумаге от того места, куда попала моя кровь, и я с отвисшей челюстью изумленно смотрел, как пламя выжгло фразу, которая была бессмысленной для меня, но почему-то наполнила меня трепетом.

http://tl.rulate.ru/book/100705/3446906